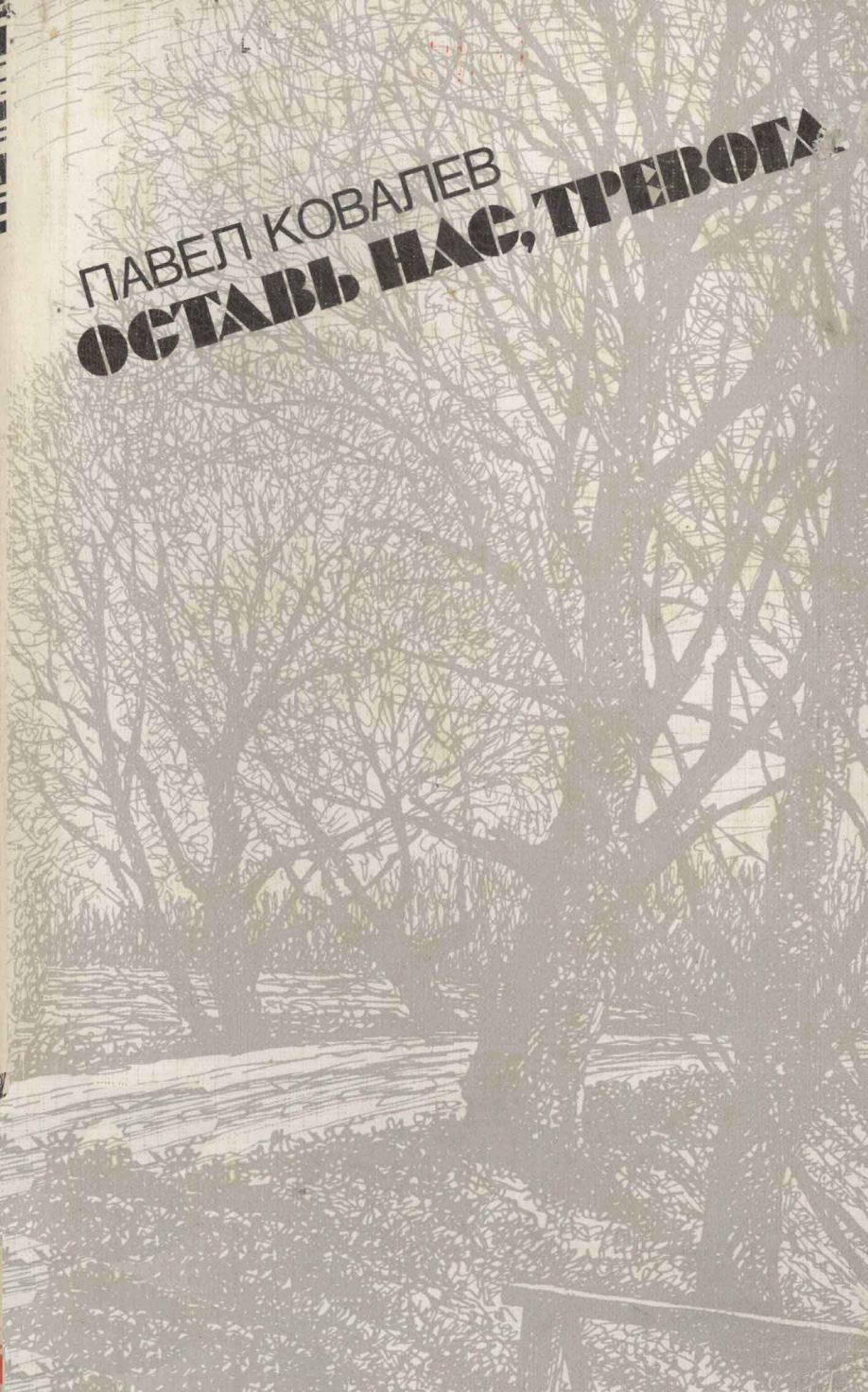

ПАВЕЛ КОВАЛЕВ
ОСТАВЬ НАС, ТРЕВОГА

ПАВЕЛ КОВАЛЕВ
ОСТАВЬ НАС, ТРЕВОГА
повести и рассказы

Авторизованный перевод
с белорусского

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1986

Художник
НИКОЛАЙ КОРОТКИН

Ковалев П. Н.

К 56 Оставь нас, тревога: Повести, рассказы. Пер. с
бел.— М.: Советский писатель, 1986.—320 с.

В книгу старейшего белорусского прозаика Павла Ковалева «Оставь нас, тревога» вошли три повести и цикл рассказов. Тематика сборника разнообразна: борьба только что созданной советской милиции с контрреволюцией (повесть «День первый, ночь последняя»), взаимоотношения родителей и детей («Оставь нас, тревога»), проблемы и дела современной белорусской деревни.

Целый ряд рассказов посвящен событиям Великой Отечественной войны.

4702120200— 263
К _____ 284—86
083(02)—86

ББК 84.Бел7

© Перевод на русский язык.
Издательство «Советский писатель», 1986 г.

An abstract graphic consisting of numerous thin, parallel diagonal lines in black and white, creating a textured, hatched effect. The lines are more densely packed in some areas and more sparse in others, creating a sense of depth and movement.

ПОВЕСТИ

ДЕЛА И ЛЮДИ

I

За Титовкой, небольшой деревней, где находилось отделение совхоза «Тихословичи», начинался большой, старый, темный лес. Звали его Дальним. Кто и когда дал лесу такое название, такое имя, в Титовке никто не знал. Да люди и сами дивились — какой же он дальний, когда от деревни до него рукой подать. Только вышел за порог, тут тебе и грибы, и ягоды, всего вдоволь.

Гармотько хотел было сказать об этом Сергею Михайловичу, но не сказал, сдержался. Тот же впервые в этих местах, еще подумает — хвастается секретарь райкома, что вот, мол, все знает в своем районе, даже мелочи.

Лесом ехали молча. Так продолжалось минут десять или больше. На часы никто из них не глядел. Ни он, Гармотько, первый человек в районе, ни Сергей Михайлович Луста — первый секретарь Заднепровского обко-

ма партии. Тихо было в лесу, тихо было в машине. Сергей Михайлович поглядывал то в одну сторону, то в другую. Сколько он поездил за время своего секретарства, а здесь, в этом тенистом лесу, на этой дороге оказался впервые. Потому-то с каким-то особенным, обостренным интересом смотрел на проплывавшие мимо толстенные, в несколько обхватов, дубы, кряжистые в комлях, не очень высокие и не очень прямые березки, прямоствольные, вот уж поистине — корабельные сосны, что высоко под облака подняли свои шапки-кроны, и неизбежную ольху. Ольхи было много, она как бы вырывалась из лесной гущины и подступала к самой дороге, к совсем неглубокой, заросшей травой канавке, ограждавшей дорогу от весенних паводков.

— Какие чащобы, какая тишина кругом... — проговорил Сергей Михайлович, не глядя ни на шофера, с которым сидел рядом, ни на Гармотьку, который развалился один на заднем сиденье.

Гармотьку, однако, услышал слова секретаря обкома и поспешил сообщить:

— А дальше, где начинаются Маковицкие леса, Сергей Михайлович, даже днем темно. Деревья смыкаются над головой, и сквозь них никогда не проникает солнце.

— Глухомань настоящая, — подал голос и шофер, сбавляя скорость перед мостом, который показался впереди.

Мосток проехали на малой скорости. Шофер знал — здесь с обеих сторон грузовики повыбивали такие ямки, что застрять в них проще всего, а засыпать их совхозное начальство не то ленится, не то просто не догадается.

Когда миновали мосток и машина снова набрала скорость, Сергей Михайлович глянул на водителя, будто говоря: «Ты, брат, все районы уже изучил назубок. Каждый мостик, видать, не раз переехал и каждый лесок глазами не однажды ощупал. А я? Начинаю только. Начинаю изучать, и изучать не только леса и дороги, это вообще-то не трудно сделать, а и людей. Люди, люди... Тут, брат, мало иметь зоркий глаз, хорошую память... Мало. Тут все сердце придется отдать на службу. До конца, до последней, как говорят, кровинки. А узнаешь людей, тогда и руководить будет легче... Вот так-то!»

Наверно, эти мысли отразились на лице Сергея Ми-

хайловича. Это уловил привыкший иметь дело с начальством водитель. Когда дорога пошла ровная, гладкая, он спросил:

— Вас что-то взволновало, Сергей Михайлович?

Секретарь обкома с минуту смотрел на Василька, как он ласково называл своего водителя, а потом, как бы постепенно возвращаясь к действительности, ответил на вопрос вопросом:

— Ты это о чем, Василек?

— Да вы вдруг будто куда-то отошли, так задумались...

— А-а, вон ты о чем...— заговорил Сергей Михайлович.— Тогда и ты, товарищ Гармотько, послушай,— повернулся он лицом назад, где сидел секретарь райкома.— Знаешь, хорошо думается в дороге, да еще в таком непролазном лесу. Я не хотел говорить, да вот Василек подзадорил, он виноват.

Шофер быстро глянул на секретаря обкома и, казалось, руль опустил. Машина пошла заметно тише. Но молчал, ждал, что скажет Луста. И тот не заставил себя ждать:

— Вот слушай, товарищ Гармотько. Он, Василек, рабочий человек. Везет вот нас — двух первых секретарей. И за руль со знанием дела держится... Видал, как мосток проехали, как он колдобины объезжал? Знает дорогу, так и идти вперед легко.

— Философия, Сергей Михайлович,— вставил Гармотько.

— А что, если и философия? Помнишь историю? Ленин начинал свою революционную деятельность с чего? Ну?

— С организации марксистских кружков,— ответил Гармотько.

— Кружков из передовых рабочих, которые бы не только изучали марксизм, но и на практике могли его сознательно, обрати внимание — сознательно, применять...— И снова глянул на Василька.

Шофер слушал, но участия в разговоре не принимал, хоть и чувствовал, что Луста ждет его слова, вопроса, может быть, даже поддержки.

— Так вот вы о чем...— какое-то время спустя проговорил Василек, не поворачивая головы в сторону секретаря обкома.

— И об этом, и кое о чем другом.

— Нет, Сергей Михайлович, если начали, договаривайте до конца,— попросил Гармотько.— Может, мне что и пригодится...

— Скажу,— начал Луста.— Вот видишь,— кивнул в сторону шофера,— знает человек дорогу, по которой едет. Хорошо это. Так надо и в жизни. Каждому надо знать свое дело.

— Святая истина,— согласился Гармотько.

— Ну, насколько эта истина святая, мы поговорим в другой раз, проблема очень современная. У нас многие сейчас все понимают... правильно, ой как правильно понимают... А делают не так, как понимают, или совсем наоборот... А сейчас я тебе и себе хочу сказать,— продолжал Луста,— что мы должны знать людей, знать все дороги, которые ведут к их сердцу. Подчеркиваю: хорошо — значит, всесторонне, с тонкостью и основательностью. По-моему, это главное в нашей партийной работе, в работе каждого, кто хочет мудро руководить людьми... А?

Гармотько сидел молча, видно, о чем-то думал. Нет, не просто так начал этот разговор секретарь обкома. Что-то имеет он, как говорится, в подтексте. Однако слишком долго молчать первому секретарю райкома партии было неловко, и он сказал первое, что пришло в голову:

— Ясно, Сергей Михайлович: если не знаем людей, то руководить нельзя, даже невозможно. Старый и новый, неизменный закон.

— Хорошо. Старый и новый, неизменный закон,— повторил секретарь обкома слова Гармотьки.— Закон...

Дремучий лес остался уже позади. Машина шла вдоль жиденького кустарника, за которым — это видно было — зеленели полосы курчавой озими, протянувшиеся, казалось, до самого горизонта. Еще минута-другая, и кустарники остались позади. Машина вырвалась на простор. Кругом сразу посветлело, глазам открылись бескрайние дали. Слева стояли яровые, кое-где виднелись скирды аккуратно сложенной прошлогодней соломы, справа — озимые. А впереди, куда устремлялась дорога, показались белые кирпичные строения. Одно- и двухэтажные. Среди этих строений заметно выделялось большое здание,— видно, школа,— рядом с ним буйно зеленел парк.

Вот машина спустилась в низинку, потом выскочила на пригорок, и на нем, слева, показался ровный, будто

обрезанный со всех сторон по линейке, не очень густой лесок. Луста хотел спросить, что это, но вдруг заметил среди зелени деревянные кресты и догадался, что это кладбище. Но вот и лесок с крестами остался позади, и снова по сторонам открылись холмы и равнины, уходящие за горизонт, лишь кое-где испещренные шапками вековых деревьев.

— Это... тоже все принадлежит совхозу, — каким-то вялым, слабым голосом начал объяснять Гармотько.

— Еще не центр совхоза «Тихословичи»? — спросил Луста, не поворачивая головы.

— Так точно, центр, Сергей Михайлович, — ответил секретарь райкома.

До села оставалось не больше километра, когда дорога вдруг стала ровной, гладкой и... Сергей Михайлович присмотрелся, глянул на водителя, оглянулся на секретаря райкома, как бы спрашивая, что это значит. Казалось, во всю ширину дороги постлан цветной ковер, зеленый-зеленый, эта сочная зелень выделялась даже на фоне росших кругом яровых и озимых.

Луста слегка дотронулся рукой до плеча Василька, тот понял, что от него хотят, и сбавил скорость. Машина теперь ехала по обочине дороги, и все заметили-увидели, что вся середина дороги заботливо устлана свежими еловыми ветками.

— Постой! — приказал шоферу секретарь обкома. Машина остановилась.

— Тут что-то не так, — вылезая из машины, не то спрашивая, не то что-то утверждая для самого себя, проговорил Луста.

Наступила долгая пауза. Ее прервал Гармотько.

— Беда у нас, Сергей Михайлович, — чуть слышно проговорил он.

— А что такое? — секретарь обкома вопросительным, немигающим взглядом уставился на Гармотьку.

— Умер бывший директор совхоза... Так сегодня, наверно, похороны...

— Бывший? — Луста уже не сводил глаз с лица секретаря райкома.

— В последнее время начальником отделения здесь работал... Сам он местный... Агроном... Петр Подобед... — выкладывал, что знал, Гармотько. В его голосе не было заметно ни внутреннего сожаления, ни тем более печали по человеку.

— Бывший, говоришь, директор, начальник отделения совхоза?

— Ага...

Луста на это «ага» совсем не среагировал, хотя оно почему-то задело его, и продолжал уже другим тоном:

— Не каждого же начальника так хоронят... По-народному... С такими почестями... В последнюю дорогу провожают...— И, ни на кого не глядя, секретарь обкома пошел обочиной дороги назад, в сторону кладбища. Еловые и можжевельниковые ветки — они были разбросаны вперемешку — обходил, стараясь не наступать на них. Потом приостановился, посмотрел на заросший лесом пригорок, который отсюда просматривался почти насквозь. Не увидев на кладбище людей, повернул к машине. Подошел, постоял, как бы раздумывая, и спросил у секретаря райкома:

— А ты, Иван Прокофьевич, послал кого-нибудь на похороны?

— Родькин, председатель райсовета, должен быть, они дружили...— неуверенно ответил Гармотько.

— Должен или... будет? — Луста посмотрел на секретаря райкома сухо, с укором. Полез в карман за сигаретой, закурил. Постоял молча, думая о своем, не переставая дымить. Глянул на шофера, снова задумался: «Вот она, первая твоя, Сергей, поездочка в район. Вот чем она тебя встречает, вот с чего все начинается!» Шофер тоже смотрел на секретаря обкома — открыто, с готовностью, как бы ожидая, что тот сейчас скажет. И от этого своего, такого сочувственного и доверчивого взгляда шофера Сергею Михайловичу стало легче. — Так, может, мы и поедем на похороны? — сказал он, обращаясь, казалось, не к секретарю райкома, а к самому себе. — Давно сказано: больного навести, мертвого проводи, ибо все мы смертны... Святая истина! — Слово «святая» он произнес как-то особенно значительно.

— Давай, Василек, в деревню, — заговорил и Гармотько. — Там, в самом центре, клуб, справа, на взгорке. Возле клуба и остановимся.

Шофер глянул на Лусту, глазами спросил — ехать? Сергей Михайлович кивнул и сел на свое место. Уселся на заднем сиденье и Гармотько. Машина тронулась. Но шла медленно, не спеша, будто и она понимала, что происходит сейчас в сердцах ее пассажиров, всех людей, живущих в этой деревне.

Свои, обкомовские, имели право заходить в кабинет к Лусте в любое время. Такой порядок был введен с первого дня работы Сергея Михайловича в должности первого секретаря. Луста считал, что все, чем он занимается, все дела, какие решает, — это заботы и дела всего обкома, всего коллектива. Солидной, так сказать, таинственности не любил. Обо всем, что кого волнует, просил говорить открыто. От каждого требовал собственное мнение. Даже от тех, кто непосредственно каким-нибудь делом и не занимался.

Своему помощнику Максиму Жильскому, опытному и трудолюбивому работнику, Луста в первый же день сказал:

— Ведите дела, как вели и до меня... И имейте в виду — я не люблю, когда хают предшественников.

Жильский поначалу сдерживал тех, кто рвался на прием к первому секретарю, устанавливал очередь, как было заведено раньше. Но когда Луста узнал об этом, дал ясную и твердую директиву:

— Чтобы освободить время для работы, перестаньте заниматься, товарищ Жильский, приемом. Вмените это в обязанность секретарше.

А секретарше тут же, в присутствии Жильского, сказал:

— Работники аппарата заходят в любое время и без доклада...

Сегодня утром Семен Адамович, главный обкомовский хозяйственник, и решил воспользоваться этим своим правом. Но воспользоваться решил тонко, по-своему. Недаром же в обкоме о нем говорили: «И службу знает, и угодить каждому умеет, старается для всех, но и себя в обиду не дает».

Ведая хозяйством обкома, Семен Адамович не упускал из поля зрения ни гараж, ни буфет, ни все остальные подчиненные ему участки. Умел человек заглядывать бдительным оком во все уголки. Даже уборщицы и те знали, что Семен Адамович не преминет глянуть, как прибрано, всюду ли чисто, нет ли где паутины или соринки.

Так и устоялось, укоренилось мнение, что Семен Адамович ничего так сильно не желает в жизни, как только того, чтобы все и всем было хорошо. Лишь обкомовские

шутники высказывались иногда более критически: «Держится за должность, как шишка за макушку».

Но что означало это выражение, никто не расшифровывал. Да людям было и не до Семена Адамовича — забот и хлопот у сотрудников и без того хватало. А руководители обкома — все секретари — видели, что зарплату бухгалтерия выдает вовремя, машины на ходу, буфет работает... Что еще надо? Впрочем, видели и другое: Семен Адамович не очень-то засиживался в своем кабинете. Все время в движении, в разъездах, на объектах. Даже какую-нибудь бумажку или справку, какая кому требовалась, Семен Адамович подписывал в коридоре, возле гардероба, в гараже, у столика стоявшего при входе в здание обкома милиционера. Словом, свой был человек. И вот сегодня утром, минут за пятнадцать — двадцать до начала рабочего дня, Семен Адамович появился в приемной с каким-то человеком. Жильский как раз заходил к себе в кабинет, расположенный напротив кабинета первого секретаря.

— У себя? — показал глазами на дверь Семен Адамович.

— Посмотрите, — пожал плечами Жильский, хотя и знал, что Луста уже пришел.

— Вы посидите здесь... — Семен Адамович показал незнакомому человеку на стул, а сам осторожненько, тихонько подался в кабинет.

Луста сидел за своим рабочим столом и с кем-то разговаривал по телефону. На хозяйственника он только бросил беглый взгляд. Семена Адамовича это насторожило: секретарь, видно, очень занят... Однако отступать было уже невозможно. И он стал в ожидании, когда кончится телефонный разговор, рядом с маленьким, приставленным к рабочему, столиком. Луста, держа одной рукой трубку, другой показал: мол, садитесь. Семен Адамович так же осторожненько присел на самый краешек стула. Руки спрятал под столик.

— Что у вас? — положив наконец трубку на аппарат, повернулся Луста к Семену Адамовичу. — Я слушаю... Видно, что-то важное, если с самого утра пришли?..

Семен Адамович встал.

— Да вы сидите, зачем так, по-военному.

Хозяйственник сел. Он впервые оказался один на один с первым секретарем. И это его смущало немного. Семен Адамович не знал, как вести себя, с чего начать. Лишь

вспомнив, что пришел-то действительно по важному делу, он приободрился:

— Поступил хороший костюмный материалчик... Так мы, это, всем секретарям хотим заказать костюмы... Поэтому...

— Погодите, погодите,— прервал Луста.— Кто это «мы»? И что за материалчик?

— Ну, товарищ Пырник и я... А материал импортный, заграничный...

— Импортный? Откуда же вы узнали, что он есть?

— Товарищу Пырнику как секретарю, который ведет торговлей, докладывают... А он мне поручил...

— Вам лично?

— Мне лично. И я пришел с мастером, чтобы снять мерку. Он здесь, в приемной.

Луста обхватил голову руками, сжал ладонями виски, а потом начал приглаживать волосы, поредевшие и поседевшие в последние годы. Молча провел ладонями по волосам раз, другой. О чем-то думал. На посетителя не глядел. А тот сидел, держа руки под столом, молча, весь в ожидании.

— С мастером, говорите?

— Ага... Времени у вас, секретарей, мало, так я, это, чтобы как быстрее, как лучше...

— Как лучше? — поднял глаза на хозяйственника Луста.— Как лучше, как быстрее... Для секретаря обкома?.. Придумать только!

— Потом можно и для заведующих отделов, я с мастерской договорился... Они не против... — не улавливая усмешки в тоне секретаря, продолжал серьезно, с готовностью Семен Адамович.

— А еще для кого? — не пряча хитроватых глаз, спросил Луста.

— Что — для кого? — не понял Семен Адамович.

— Ну, для кого еще таким образом можно пошить костюмы? — В голосе секретаря слышались жесткие нотки. Семен Адамович уловил их и про себя подумал, что Сергей Михайлович просто спешит, хочет поскорее кончить разговор про это швейно-костюмное дело.

— Для кого прикажете... ну, можно и для своих которых... членов семей...

— Та-а-ак,— потянулся Луста за сигаретой. Пачка лежала на столе. Он взял первую попавшуюся, помял ее, повертел в пальцах и сунул в рот. Спыхватился, что по-

пал не бумажным тугим мундштуком, а другим концом, с табаком. Быстренько перевернул сигарету и прижег. Затянулся и еще раз протянул: — Та-а-ак... — Встал из-за стола, повернулся лицом к окну.

Поднялся со своего места и Семен Адамович. Вытянулся как-то пружинисто и настороженно. Настороженно и заговорил:

— Так, может, у вас времени нет... Тогда мы с мастером придем в другой раз... — И потянул из кармана кулочки материалов, к которым были прищиплены бумажки. — А образчики материалов я могу вам оставить, могу...

Луста затянулся всей грудью и, обернувшись к Семену Адамовичу, переспросил:

— Образчики? Какие образчики?

— Вот, пожалуйста, — подался к секретарю обкома хозяйственник.

Луста взял лоскуток мягкого, серенького в коричневую полоску, материала и подержал в руках. Даже поближе к глазам поднес. Потом с этим лоскутком подошел к своему столу, взял очки и через одно стеклышко, как это делают часовые мастера, стал разглядывать его.

— Та-а-ак, — повторил уже который раз.

Семен Адамович молчал. Это «та-а-ак», в котором слышалось явное недовольство, даже угроза, приводило его в замешательство.

— Вот что, — начал Луста сурово, — попросите у мастера прощения, что вызвали его сюда... Понимаете?

Семен Адамович пожал плечами. Он и в самом деле не понимал, что надумал первый.

— Скажите, пусть идет к себе в мастерскую и работает, а мы... если это понадобится, то мы сами к нему придем... Поняли?

— Понял, Сергей Михайлович... — проговорил хозяйственник и, пятясь к двери, спросил: — Значит, и другим секретарям не заказывать?

Луста поднял голову и посмотрел на хозяйственника таким взглядом, который говорил больше любых слов. Семен Адамович хотел было идти, но, после короткой заминки, вдруг вернулся, взял из рук первого секретаря лоскуток костюмного материала, сунул обратно в карман и только после этого вышел из кабинета.

Настроение у Лусты сразу испортилось. Не думал и не гадал он, что ему, первому секретарю обкома партии,

придется столкнуться и с подобными
ла этот «интересный» Гармотько, потом шумный день
рождения жены, Сусанны Егоровны, который она устрои-
ла без его ведома, после невеселые сводки по заготовке
кормов и, наконец, в довершение ко всему, — загранич-
ный костюмный материалчик...

Конечно, думал он, успокаивая себя, — не все секре-
тари райкомов такие, как Гармотько, и не все областные
работники такие, как Пырник... Нет, не все. Но... Это «но»
занозой сидело в голове, путало мысли, портило настрое-
ние, выбивало из рабочего ритма, отвлекало от забот пар-
тийных, государственных. Луста приблизился к столу,
обошел свой стул и, глянув на него, как на что-то впервые
увиденное, сел. Раз, другой затянулся сигаретой, потом
ткнул ее в пепельницу и снова подошел к окну. Захотелось
глянуть на небо: может, погода уже наладилась, проясни-
лась.

3

Лета в том году почти что и не было. Выдалось не-
сколько солнечных дней, но они и воспоминаний по себе
не оставили. В июне, июле и августе небо все время за-
стилали тяжелые, какие-то хмурые-хмурые, с бурыми под-
палинами, плотно сотканые тучи. Они тянулись от го-
ризонта до горизонта. И каждый день шли дожди. Ка-
залось, этой мокряди и слякоти не будет конца. Правда,
характер дождя менялся по несколько раз на день: то
он шел спокойно, как будто раздумчиво, то вяло трусил
мелкими-мелкими каплями; то вдруг налетал с ветром,
холодным и косым, пригибал к земле кусты и травы,
а потом снова делался ровным, но обильным, заливал
все как из ведра.

Люди говорили, что такой напасти не было лет пять-
десят — семьдесят. Это же чуть ли не Ноев потоп,
чуть ли не сплошная осень, от которой только и спасе-
ние, что под крышей.

Да, лета в том году не было. Не было и радости сель-
ским жителям. Да и откуда ей быть, той радости, того
привычного крестьянского удовлетворения, если они ви-
дят, что посеянное хорошо выросло, а как убрать, никто
не знает. Казалось, невозможно поднять полегшие рожь
и ячмень с крупными, тяжелыми колосьями, неизвестно
как и где высушить зерно, застоговать солому.

Обкомы и облисполкомы, райкомы и райсоветы, руководители колхозов и совхозов, специалисты сельского хозяйства, механизаторы — все жили одной-единственной мыслью: как собрать и сохранить урожай, как избежать потерь? Думали, искали выход, каждую минуту поглядывали на небо, ожидая хоть какого-нибудь просвета в тучах, и каждый, как на фронте, занимая наиболее выгодные позиции, старался использовать любой удобный момент.

Убирали клочками. Убирали выборочно. Убирали — где позволяли условия — машинами. А во многих районах поднялись все, от малого до старого, с серпами, с косами, с граблями, а главное — с заботливыми руками, — и где по горсти, где по снопу, а убирали и рожь, и ячмень. Свозили не только на тока, а и во все другие сколько-нибудь пригодные помещения — хоть немного просушить сжатое, чтобы потом можно было обмолотить. А зерно снова сушили, доводя до кондиции, перво-наперво рассчитывались с государством, потом засыпали и в свои, колхозные и совхозные, сусеки, а солому свозили и скирдовали.

В те дни секретарь обкома Михаил Антонович Пырник находился в районе в качестве уполномоченного. Вместе с секретарем райкома партии Гармотько они ездили по колхозам и совхозам Красногорского района, подталкивали местное начальство. Но подталкивай не подталкивай, один черт, — хозяйничала погода. Хозяйничала непогодь, дождь, который из доброго друга весной и в начале лета превратился в злого и ненавистного врага во время уборки. А с врагом надо воевать — и воевать умеючи, находя против него соответствующее оружие, надежные силы — и всякий раз все новые, только на определенное время пригодные, средства.

Гармотько в отчаянии махал рукой:

— Ну что ж, спишем все за счет погоды... Больше актов надо составлять... Град был? Был. Побил сотни гектаров? Побил. В низинах вымокло все, не поднялось даже. Потери это для колхоза, скажем, имени Котовского? Потери. Вот я, Михаил Антонович, и распорядился — все, все заактовать, чтобы законно было.

Когда Гармотько с дотошностью опытного финансиста подсчитывал убытки, понесенные колхозами в результате затянувшегося ненастья, Пырник молчал. Молчал, потому что соглашался с ним, считал, что и в